УДК 94(470)"1150/15"

НОВГОРОДСКИЙ ПОХОД ИВАНА III 1471 ГОДА

В.А. Волков

Статья посвящена известным событиям русской истории второй половины XV века. Характеризуется деятельность великого князя Ивана III по присоединению к Московскому княжеству богатой и важнейшей с геополитической точки зрения Новгородской земли. Отмечается, что Иван III в отличие от своих предшественников – великих князей – первым решился на военный способ решения этой задачи. В центре внимания – новгородский поход московского князя 1471 года. На основе анализа русских летописей анализируются причины этого события, внешнеполитическая обстановка того времени, усилия новгородцев по борьбе с Москвой.

Ключевые слова: Иван III, Новгород, новгородский поход, битва на реке Шелони, Литва, Московское княжество.

THE NOVGOROD CAMPAIGN OF IVAN III IN 1471

V.A. Volkov

The article is devoted to famous events of Russian history of the second half of 15th century. The author of the article characterizes the activities of Grand Duke Ivan III, which were aimed at joining rich and geopolitically important Novgorod land to Grand Principality
of Moscow. It is noted that Ivan III, unlike other Grand Dukes, his predecessors, was the first who dared to use military ways to solve this problem. The article focuses the readers' attention on Novgorod campaign of Grand Duke Ivan III in 1471. On the basis of the analysis of Russian chronicles the author reflects on the causes of this event, geopolitical situation of that period, effort taken by Novgorod residents to resist Moscow..

Key words: Ivan III, Novgorod, Novgorod campaign, the battle on the river Shelon, Lithuania, Grand Principality of Moscow.

В середине XV столетия Господин Великий Новгород (официальное обозначение Новгородского государства, столица которого, в свою очередь, именовалась и Градом Святой Софии) оставался богатейшей из русских земель, перекрывавший и контролировавшей доступ к морским путям в Европу и ценнейшим товарам Севера. О немереных богатствах Града Святой Софии хорошо знали не только в Москве, но и в Литве, также готовой прибрать к рукам огромный край, простиравшийся от Балтийского моря до Урала и от Кольского полуострова – до Верхней Волги. В борьбе за Новгородщину Москве следовало опередить Вильно, но задача организации присоединения Новгородской земли оказалась

непростой и потребовала военного решения.

До поры до времени великие князья предпочитали в отношении Новгорода действовать осторожно, решая возникшие конфликты прекращением хлебной торговли, крайне важной для северо-западных земель, или своего рода карательными акциями, не ставившими целью захват новгородских земель. Без наказания остался даже замысел убить Василия II во время его пребывания в Новгороде «миром» в 1460 г. Такую несвойственную Москве мягкость и осторожность можно объяснить лишь опасением взорвать ситуацию, вызвав большую войну, в которой против великого князя могли одновременно выступить все его враги, включая некоторых из русских правителей, а также Ганза, Шведское королевство, Литва и Польша, Ливонская конфедерация и даже Орда.

Ивана III эти обстоятельства уже не сдерживали. Заметно усилившееся при нем Великое княжество Владимирское и Московское (в начале правления князя, в 1464 г., к Москве было присоединена Ярославская земля) оказалось в состоянии разобраться со всеми врагами, хотя и поочередно. При этом оно опиралось на союзников, число которых значительно возросло. На стороне Москвы выступали теперь Ростовское и Тверское княжества, Псков. Были московские доброхоты и в самом Новгороде. От целого ряда внешнеполитических проблем избавил Ивана Васильевича союз с крымским ханом Менгли-Гиреем, ставший сильным сдерживающим фактором и для короля Казимира IV, и для правителя Большой Орды хана Ахмеда. Пришло время действовать. Москве нужен был лишь повод, и этот повод, естественно, появился.

В шедшей в Новгороде постоянной борьбе за лидерство одержала победу боярская партия Борецких, ориентировавшаяся на сближение с Литвой. Эта противная Москве группировка решила воспользоваться кончиной новгородского владыки Ионы, умевшего договариваться с Иваном III и убедившего великого князя «тихими очами взирать» на Великий Новгород. Покойный архиепископ, бывший одновременно с этим главой вечевой республики, умер осенью 1470 года (видимо, в начале ноября)[1]. Новый владыка Феофил был избран по жребию и не мог помешать активизировавшимся сторонникам короля. За это время вдова прежнего главы пролитовской партии Исака Андреевича Борецкого, Марфа, прозванная новгородцами «Посадницей», и двое ее сыновей,

[1] По сообщению Московского летописного свода, Вологодско-Пермской и Никаноровской летописей, Софийской первой летописи по списку И.Н. Царского архиепископ Иона скончался 8 ноября 1470 г. [12, с. 284; 13, с. 230; 14, с. 129; 15, с. 148] На этом основании так датировал смерть владыки Н.С. Борисов [4, с. 227]. Но, по сообщению Иоасафовской и Симеоновской летописей и Сокращенного летописного свода 1493 г., новгородский архиепископ Иона умер 5 ноября 1470 г. «на память святых мученик Галактиона и Епистимии» [6, с. 62; 10, с. 225; 14, с. 277]. Видимо, составители Московского летописного свода и Софийской первой летописи ошиблись, спутав даты кончины двух духовных лиц - 8 ноября умер другой Иона, епископ Пермский. См. об этом в Софийской второй летописи: «В лето 6979, месяца ноября 8, преставися Иона епископ Пермский. Тое же осени преставися архиепископ Иона Ноугородской» [9, с. 190].

Дмитрий и Федор, взяли верх над сторонниками Москвы. Борецким и архиепископскому ключнику Пимену, противнику Феофила, удалось подкупить «худых мужиков вечников». Именно Пимену принадлежала смелая идея перевести новгородскую церковь в подчинение киевскому митрополиту Григорию.

На вечевом собрании сторонники Борецких одержали победу над своими противниками и забросали их камнями. Запуганное вече потребовало отправки посольства к королю – просить помощи против Москвы. В Литву немедленно выехали житьи люди (младшие бояре) Панфил Селивантов и Кирилл Иванов, сын Макарьин, объявившие Казимиру IV: «волны и есмы люди Великыи Новъгород, бъем челом тебе, честному королю, чтобы еси, государь, нашему Великому Новугороду и нам господин был» [12, с. 285]. Казимир IV принял послов благосклонно, но открыто вмешиваться в новгородские дела не спешил. К тому же, в ответ на прошение веча и покойного архиепископа Ионы он уже отправил в Новгород своего подручного князя Михаила Олельковича (Александровича). Тот прибыл в Новгород 8 ноября 1470 г. и пробыл в нем около четырех месяцев, затем неожиданно вернулся в Литву.

По-видимому, в Москве нашли подход к этому князю (матерью Михаила была княгиня Анастасия, дочь Василия I и, соответственно, тетка Ивана III), недовольному действиями Казимира, ущемлявшими его личные интересы, – после смерти осенью 1470 г. правившего в Киеве князя Семена Олельковича, старшего брата Михаила, король ликвидировал самостоятельное Киевское княжество. Наместником в Киеве был назначен преданный ему воевода Мартин Гаштольд, что немаловажно – католик, в отличие от православных Олельковичей. В дальнейшем конфликт между Казимиром Ягеллончиком и Михаилом будет только нарастать: князь примет участие в заговоре против короля и будет казнен по его приказу в 1481 г. Уходил Михаил Олелькович из Новгородской земли чуть ли не с боем и по дороге ограбил Русу, захватив не успевших укрыться людей в плен.

Подготовкой текста договора Господина Великого Новгорода с Казимиром IV пришлось заниматься самим посадникам. Наконец он был составлен, но остался неутвержденным, так как его подписали представители лишь одной стороны – новгородской. Грамоту, а с ней, как оказалось позже, и смертный приговор себе скрепили подписями два посадника и пять житьих людей.

Договор предоставлял литовскому великому князю примерно такие же права в Новгородском государстве, как те, что «по старине» принадлежали раньше великим князьям владимирским. Его составители признавали за Казимиром право присылать в Новгород своего наместника, получать доходы с новгородских волостей, а также утверждали за ним право суда. Со своей стороны, согласно договору, Казимир IV обязывался защищать град Святой Софии от русского государя: «А пойдет князь велики московский на Велики Новъгород, или его сын, или его брат, или которую землю

подъимет на Велики Новъгород, ино тебе, нашему господину честному королю, всести на конь за Великий Новгород и со всею своею радою литовскою против великого князя (московского – В.В.), и боронити Велики Новъгород». Особо оговаривались церковные дела. Казимир не должен был пытаться ввести католичество в Новгороде. Запрещалось строить «римские церкви» (католические храмы) в Новгороде, в «пригородах», по всей земле Новгородской. Наместник великого литовского князя должен был жить на Городище, быть православного вероисповедания и иметь при себе не более 50 человек. Договор означал полный разрыв с Москвой и переход под власть католической Литвы, хотя пока и при сохранении веры греческой, православной.

Но несмотря на открывающиеся перспективы, Казимир не спешил воспользоваться сложившейся ситуацией, желая подключить к будущему союзу и властителя Большой Орды. В ставку Ахмеда из Вильно срочно отправился татарин Кирей Кривой, человек, в верности которого король не сомневался. Это был «купленный холоп» Ивана III, предавший господина и бежавший от его гнева в Литву. Отправляя Кирея к хану, Казимир поручил ему передать Ахмеду (Ахмату) грамоту, в которой предлагал начать войну с Москвой. Свое предложение король подкрепил богатыми подношениями хану и его мурзам. Кирей, в свою очередь, желая угодить новому господину, «пришед к царю (Ахмеду – В.В.) начат многи речи лживые и обговоры от короля на великого князя (Ивана III. – В.В.) говорити…, чтоб вольной царь пожаловал, пошел на московского великого князя съ всею Ордою своею», а король Казимир с другой стороны пойдет на Москву со своими войсками[2] [6, с. 62]. Литовский посланник Кирей пробыл у хана почти год, но так и не сумел убедить его начать войну с Иваном III. Возможно, татарский владыка рассчитывал вмешаться в события после начала конфликта между Вильно и Москвой, в самый удачный для себя момент, но просчитался. Казимир предпочел не рисковать без твердой уверенности получить помощь от Орды и предоставил Новгород своей судьбе, хоть и стремился до возвращения Кирея Кривого затруднить действия Москвы.

С этим, несомненно, связана его попытка запугать псковичей, заставить их воздержаться от поддержки Ивана III в распре с Новгородом [4, с. 229].

На Волхове ситуация продолжала накаляться. Избрав владыкой Феофила, новгородцы приняли решение отправить его на поставление в сан не к московскому митрополиту Филиппу, а к киевскому митрополиту Григорию – хотя и в прошлом, но стороннику унии с Римом, кафедра которого находилась в Великом княжестве Литовском. Эти действия новгородцев были расценены в Москве как «измена православию» и вызов государю.

Понимая, что такая демонстративно противная Москве политика ведет к разрыву отношений с великим князем,

[2] На эту попытку объединить силы Литвы и Орды против Москвы обратил внимание еще С.М. Соловьев [16, с. 73].

власти Новгорода начали готовиться к войне. Причем без союзников и подготовленных ратных сил. Война, действительно, не замедлила начаться: в мае 1471 года Иван III отослал в Новгород объявляющие о разрыве отношений «грамоты разметные за их неисправленье». Поход был назначен на приближающееся лето, так как весна в том году была поздней. В Москве учли, что после окончания паводка в северо-западной Руси наступает недолгий период ясных дней, дороги становятся проходимыми, болота, через которые вели гати, – сухими[3].

Времени оставалось мало, и начался лихорадочный сбор войск. Особенно важным и в дипломатическом, и в военном отношении для Ивана III было заручиться помощью псковичей. К ним 23 мая был направлен дьяк Яков Шабальцев [6, с. 66] со строгим приказом великого князя своему наместнику, Федору Юрьевичу Шуйскому, немедленно «сложить целование» Новгороду и «положити розметни и грамоты… за великого князя обиду». Самому же во главе псковских полков идти разорять порубежные новгородские пределы[4]. Вятское ополчение с Борисом Матвеевичем Слепцом Тютчевым и устюжское с Василием Федоровичем Образцом по слову государя двинулись на принадлежавшие тогда Новгороду земли по Северной Двине. Послы прибыли и в Тверь, «помочи прося на новгородцев», и князь Михаил Борисович также решил выступить на стороне Москвы в войне с Новгородом. На границе собралось тверское войско, командиры которого, воеводы князь Юрий Андреевич Дорогобужский и Иван Никитич Жито Бороздин, были готовы присоединиться к армии Ивана III в Торжке [1, с. 282; 10, с. 230].

Из Москвы рать за ратью к новгородским границам шли войска. Первыми двигались выступившие на войну 6 июня 1471 г. («за неделю до Петрова заговенья») полки Данилы Дмитриевича Холмского и Федора Давыдовича Хромого. Эта конная рать насчитывала 10 тыс. воинов и шла на Руссу (Старую Руссу) и дальше, к Демону (совр. Демянску) [11, с. 189]. За ними 13 июня столицу покинули отряды Ивана Васильевича Стриги Оболенского и служилые татары касимовского «царевича» Даньяра. Им предстояло обойти Новгород с востока, отрезав от северных «пригородов» [2, с. 103]. Затем, уже 20 июня, вышли главные силы, с которыми ехал и сам Иван III. Это был стратегический резерв, готовый вступить в дело в чрезвычайном случае. Обострения обстановки во время боевых действий не произошло, и все труды и слава достались Холмскому и Хромому.

Основным театром военных действий стали волости по южному берегу озера Ильмень. Видимо, зная о разделении великокняжеского войска,

[3] О трудностях похода в край, изобиловавший озерами, реками и болотами в Москве знали и учитывали это обстоятельство [10, с. 227].

[4] В поход выступило 10-тыс. псковское войско («вся сила псковская»), которое вели сын псковского наместника, князь Василий Федорович Шуйский, и посадник Тимофей Власьевич. Оно осадило новгородский «пригород» Вышегород, но взять смогло не сразу. Еще одно небольшое псковское войско, собранное воеводой Манухно Сюйгиным, насчитывавшее 1500 воинов, было разбито новгородцами в Бельской губе за рекой Лютой, впадающей в Шелонь [8, с. 181-183].

новгородские воеводы также рассредоточили свои силы. На тот момент основной задачей для них стала защита южных «пригородов», вспомогательной – разгром 10-тысячной псковской рати Василия Федоровича Шуйского и посадника Тимофея Власьевича, продвигающейся к Новгороду с юго-запада. Впоследствии приоритеты сместились – псковичи двигались слишком быстро, именно навстречу им выступило главное новгородское войско Дмитрия Борецкого и Василия Казимира. Выступило, но не дошло, перехваченное московскими воеводами у реки Шелони.

24 июня 1471 года, всего на 8 день после объявления войны, 5-тысячный Передовой полк Холмского и Хромого захватил и сжег Русу. После воеводы двинулись дальше, по приказу великого князя торопясь навстречу приближавшейся с запада псковской рати. Однако марш был прерван боевой тревогой. Подошедшая со стороны озера Ильмень на судах большая новгородская рать высадилась на берег и 7 июля вступила в бой с москвичами у погоста Коростынь. Нападение было внезапным, и поначалу атакующим удалось потеснить воинов великого князя, но затем сказалась лучшая выучка профессиональных бойцов, и ход битвы изменился. В жестоком бою новгородцы потерпели поражение – в их «пешей рати паде много, а инии разбегошася, а иных москвичи поимаша». Но едва было покончено с первым неприятельским войском, как пришла весть, что вторая судовая рать идет к сожженной Русе. Двигалась она по реке Поле [6, с. 69; 10, с. 230], текущей к Ильменю с южной стороны. В исторической науке утвердилось мнение, что эта рать также выступила из Новгорода, но оно маловероятно – так как разделение сил ослабляло войско. Вероятно, вторая судовая рать была собрана в южных волостях Новгородской земли и выдвигалась к Русе на соединение с другими полками. Быстрое продвижение московского войска и взятие Русы уже на 8-й день похода спутали все планы обороны этого города. Полк Холмского в тот же день (7 июля) атаковал и эту неприятельскую рать, которая также была разбита. По Софийской первой летописи в бою пало до 500 новгородцев [15, с. 154].

С сообщением об этих победах из Русы к Ивану III был отправлен гонец Тимофей Замыцкий, который 9 июля обрадовал новостями великого князя, найдя его в ставке у озера Коломно близ Вышнего Волочка. Сами же воеводы пошли к Демону, стоявшему на реке Ловать. По пути к этому «пригороду» их нагнал гонец, доставивший новый приказ великого князя. Холмскому и Хромому следовало развернуть свою рать и идти вдоль западного берега Ильменя на северо-запад, к реке Шелонь. Там они должны были соединиться с союзным псковским войском, которое могло оказаться под ударом главной новгородской рати. Осаду Демона Иван поручил полку удельного князя Михаила Андреевича Верейского и его сына Василия [6, с. 69].

К тому времени в Новгороде, несмотря на сильнейшие внутренние распри, было собрано огромное ополченское войско – по явно преувеличенным сообщениям летописцев, оно насчитывало до 40

тыс. человек, что, учитывая отправление судовой рати, разбитой полком Данилы Холмского под Коростынем, действовавшей второй рати под Русой, а также отправки отряда Василия Гребенки Шуйского в Заволочье и уже воюющих с псковичами отрядов, нереально[5]. Командовали войском степенные посадники Василий Казимир и Дмитрий Борецкий. Составленный в Новгороде план войны предусматривал нанесение удара главными силам и по союзным Москве псковичам, активно разорявшим Шелонскую пятину. Высланное против «всей силы псковской» войско должно было гарантированно разгромить противника, закаленного частыми стычками на немецком рубеже. С большой долей вероятности можно предположить, что войско Василия Казимира и Борецкого насчитывало 15–20 тыс. воинов, в основном ополченцев. Состояло оно из мобилизованных «плотницев и гончаров», что заставляет усомниться в предположениях, что эта рать была полностью «коневой». Вряд ли мастеровому люду дали бы боевых коней, да еще в таком количестве. Конные и пешие новгородцы продвигались вдоль Ильменя навстречу псковичам, союзникам Москвы. И когда вечером 13 июля на противоположном (правом) берегу Шелони новгородцы увидели московские отряды, это было для них большой неожиданностью. Предстояло сражение, причем не с ополченцами-псковичами, а с победоносными московскими войсками, только что наголову разгромившими две новгородских судовые рати. В этих условиях принципиально важным стал отказ от боевых действий командования лучшего в войске Владычного (архиепископского) полка, объяснившего свое решение тем, что они шли воевать не с москвичами, а с отступниками-псковичами. Возможно, что это подействовало угнетающе на воинов остальных полков, потерявших уверенность в исходе предстоявшей битвы.

Она произошло 14 июля 1471 г. Победа воевод Ивана III во главе своих ратей, переправившихся через реку и опрокинувших неприятеля, была полной. По утверждению летописцев, в Шелонской битве погибло ок. 12 тыс. новгородцев. Видимо, эти данные также преувеличены. Но потери действительно должны были быть очень велики, так как преследование бегущих продолжалось на расстоянии 12 верст. Оторваться от московской погони смогли лишь конные воины. Пешцы либо погибли, либо попали в плен. Видимо, без потерь ушел Владычный полк. Из остальных сил, участвовавших в злосчастной битве, в родной город вернулись жалкие остатки.

В московский плен, помимо немногих оставшихся в живых «плотницев и гончаров» (в данном случае летописные сведения о 2000 пленных близки к истине), попали все главные новгородские командиры: посадники Василий Казимир, Дмитрий Борецкий, Кузьма Григорьев, Яков

[5] В Софийской первой летописи указана меньшая численность этого войска – 30 тыс. человек [15, с. 154], но также сильно завышенная. Наиболее критично к сведениям летописцев отнесся И.Н. Вязинин, определивший численность войска Василия Казимира и Дмитрия Борецкого в 10 тысяч воинов [5, с. 27].

Федоров, Матвей Селезнев, Павел Телятев, Кузьма Грузов, многие житьи люди. Был захвачен обоз новгородского войска, в котором победители обнаружили список договора Новгорода с Казимиром IV («И тако смотряюще обретошеся в кошевых вьюцехоу них списки, в них же бяше писано с королем новгородское докончание» [15, с. 155][6]). Текст договора, немедленно отосланный Ивану III, разгневал великого князя, и по его приказу «за измену и за отступление» казнили Дмитрия Исаковича Борецкого, Василия Ивановича Губу Селезнева и житьих людей Еремея Сухощока и Киприана Сергеевича Арзубьева [3, с. 127; 7, с. 128; 9, с. 193]. Их подписи были обнаружены на договоре с Казимиром IV. Изменников казнили. Других посадников и бояр – Василия Казимира, Кузьму Григорьева, Якова Федорова, Матвея Селезнева, Кузьму Грузова и Федота Базина и еще 50 «лучших новгородцев – в оковах отправили в Коломну, в заточение [12, с. 290]. «Мелких» же людей великий князь отпустил в Новгород – явно показывая свое отношение к действительно виновным боярам и невинным жертвам их козней и интриг.

После одержанной на Шелони победы сдался гарнизон осажденного Демона [11, с. 191],[7] и все московские и союзные рати, уже не торопясь, левым берегом Ильменя двинулись к Новгороду. Там поначалу стали готовиться к осаде, но единства в обществе не было. По словам современника, «бысть в Новегороди молва велика, и мятежь мног, и многа лжа неприазнена». Уныния добавляли продолжавшие поступать тревожные вести: московские воеводы взяли Демон, псковские – Вышегород. Попытка получить военную помощь со стороны Вильны провалилась. После Шелонской катастрофы «послаша новгородци посла в Литву, чтоб король всел на конь за Новгород, и посол ездил кривым путем (прямой путь через Псковскую землю был перекрыт. – В.В.) в немци до князя немецкого до местера, и возвратися в Новгород глаголюще: «яко местер не даст пути чрез свою землю в Литву ехать»») [7, с. 128].

Рассчитывать приходилось лишь на собственные силы. Но разделение общества на две противостоящие партии, ослабление группировки, стоявшей «за короля», мешало организации обороны. Хотя кое-какие шаги в этом направлении новгородские власти сделать успели. Крепостные укрепления Новгорода включали тогда каменный Детинец (Кремль) и собственно «город», представлявшие достаточно мощный пояс укреплений. Все укрепления срочно отремонтировали. Была усилена стража на крепостных стенах и башнях (она и поймала доброхотствующего Москве переветника – пушкаря Упадыша, заклепавшего 5 пушек). Были выжжены не имевшие укреплений посады, хоромы и постройки на Городище – старинной резиденции великих князей. Уничтожили даже несколько пригородных монастырей – Зверинский, Онтонов, Юрьев,

[6] В другой редакции Софийской летописи уточнялось, что были захвачены не только «список новгородский», но и человек, который их писал [9, с. 11].

[7] С Демона была взята контрибуция в 100 руб.

Рождественский, оборонять которые было затруднительно и опасно. Вместе с тем доводить дело до начала осады новгородские власти явно опасались, так как могли потерять все: положение, имущество, свободу, жизнь. Иван III недвусмысленно продемонстрировал свои намерения, казнив недругов – бояр, схваченных после битвы на Шелони. Ряды сторонников Москвы росли с каждым днем, в основном за счет недовольных политикой правительства, доведшей до военной катастрофы.

В этих условиях господа не могла не сделать попытку договориться с Иваном III. Многие бояре были готовы откупиться от него, как не раз уже откупались новгородские власти от прежних великих князей. Архиепископ Феофил отправился навстречу московскому государю, чтобы узнать условия, на которых тот согласился бы остановить катастрофическую для Новгорода войну. С ним ехали пять посадников и пять житьих люди от всех концов города. Владыка и кончанские представители нашли Ивана III в 20 верстах от изготовившегося к осаде города, в лагере, устроенном между погостами Коростынь и Буреги. 14 дней шли переговоры, и в воскресенье 11 августа 1571 года был заключен Коростынский договор. Условия оказались мягче ожидаемых: новгородцам предстояло присягнуть на верность Ивану III и в течение года выплатить ему контрибуцию – 16 тыс. серебряных новгородских рублей (поначалу великий князь потребовал выкуп в 17 тыс. рублей, но потом, уступая владыке, снизил его). Сохранялся вечевой порядок управления Новгородом. Но два новгородских «пригорода» – Волок Ламский и Вологда – окончательно переходили к Москве. Послы от лица всего Господина Великого Новгорода поклялись не искать политической, военной или церковной связи с Литвой. Но захваченных в плен знатных новгородцев Иван Васильевич отпустил на свободу только через четыре месяца по прошению владыки Феофила, приехавшего на поставление в Москву и умолившего великого князя простить отправленных в Москву и Коломну Василия Казимира и других бояр и житьих людей.

Список литературы

1. Алексеев Ю.Г. Победа на Шелони // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – С. 276-297.

2. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2009. – 467 с.

3. Бассалыго Л.А. Новгородские тысяцкие. Ч. 3. Тысяцкое со второй четверти XV века до конца новгородской независимости. Дополнение к Списку В // Новгородский исторический сборник. – 2013. – Т. 13. – № 23. – С. 115-150.

4. Борисов Н.С. Иван III. – М.: Молодая Гвардия, 2000. – 644 с.

5. Вязинин И.Н. От Шелони к Руси единодержавной. – Великий Новгород: Лоцман, 2001. – 77 с.

6. Иоасафовская летопись. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2014. – 256 с.

7. ПСРЛ. Т. 4. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. – 360 с.

8. ПСРЛ. Т. 5. – Вып. 2. – М.: ЯРК, 2000. – 368 с.

9. ПСРЛ. Т. 6. – СПб: Типография Эдуарда Праца, 1853. – 358 с.

10. ПСРЛ. Т. 18. – М.: ЯСК, 2007. – 328 с.
11. ПСРЛ. Т. 24. – М.: ЯРК, 2000. – 288 с.
12. ПСРЛ. Т. 25. – М.: ЯСК, 2004. – 488 с.
13. ПСРЛ. Т. 26. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. – 432 с.
14. ПСРЛ. Т. 27. – М.: ЯСК, 2007. – 424 с.
15. ПСРЛ. Т. 39. – М.: Наука, 1994. – 204 с.
16. Соловьев С.М. Сочинения: В. 18 кн. Кн. 3. – М.: Мысль, 1989. – 783 с.

References

1. Alekseev YU.G. Pobeda na SHeloni // Neischerpaemost' istochnika. K 70-letiyu V.A. Kuchkina. – M.: Pamyatniki istoricheskoj mysli, 2005. – S. 276-297.
2. Alekseev YU.G. Pohody russkih vojsk pri Ivane III. – SPb.: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2009. – 467 s.
3. Bassalygo L.A. Novgorodskie tysyackie. CH. 3. Tysyackoe so vtoroj chetverti XV veka do konca novgorodskoj nezavisimosti. Dopolnenie k Spisku V // Novgorodskij istoricheskij sbornik. – 2013. – T. 13. – № 23. – S. 115-150.
4. Borisov N.S. Ivan III. – M.: Molodaya Gvardiya, 2000. – 644 s.
5. Vyazinin I.N. Ot SHeloni k Rusi edinoderzhavnoj. – Velikij Novgorod: Locman, 2001. – 77 s.
6. Ioasafovskaya letopis'. – M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2014. – 256 s.
7. PSRL. T. 4. – SPb.: Tipografiya EHduarda Praca, 1848. – 360 s.
8. PSRL. T. 5. – Vyp. 2. – M.: YARK, 2000. – 368 s.
9. PSRL. T. 6. – SPb: Tipografiya EHduarda Praca, 1853. – 358 s.
10. PSRL. T. 18. – M.: YASK, 2007. – 328 s.
11. PSRL. T. 24. – M.: YARK, 2000. – 288 s.
12. PSRL. T. 25. – M.: YASK, 2004. – 488 s.
13. PSRL. T. 26. – M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2007. – 432 s.
14. PSRL. T. 27. – M.: YASK, 2007. – 424 s.
15. PSRL. T. 39. – M.: Nauka, 1994. – 204 s.
16. Solov'ev S.M. Sochineniya: V. 18 kn. Kn. 3. – M.: Mysl', 1989. – 783 s.

Список сокращений

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей